

И. А. Невская

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Результативные второстепенные предикаты в тюркских языках

Под результативом в первую очередь понимаются результативные и стативные формы глагола; соответственно, под результативными конструкциями (РК) понимаются конструкции, содержащие эти формы в качестве своих предикатов. В синтаксической типологии термин «результатив» также относится к второстепенному предикату серийных конструкций типа *The lake froze solid* ‘Озеро насквозь промерзло’ и *He shoot her dead* ‘Он застрелил ее намертво’. Такие РК следует отличать от конструкций с второстепенными депиктивными предикатами: *пришла радостной, пьет чай холодным*. Результативы отличаются от депиктивов в первую очередь тем, что состояние, выраженное результативом, достигается после временной рамки действия основного предиката.

Описываются РК с второстепенными результативными предикатами в тюркских языках в сравнении с серийными конструкциями с депиктивными второстепенными предикатами, а также с конструкциями, содержащими обстоятельство образа действия или комплемент глагола, выражающий результирующее свойство субъекта или объекта действия, выраженного данным глаголом. Даются основные характеристики РК с второстепенными предикатами, а также выделяются структурные типы результативных предикатов в их составе.

Ключевые слова: алтайские языки, тюркские языки, синтаксис, морфология, второстепенные результативные, депиктивные предикаты.

1. Значения термина «результатив»

Как в общем, так и в тюркологическом языкознании, если речь идет о категории результатива, в первую очередь имеются в виду результативные и стативные формы глагола (часто в контексте их соотношения с перфектными формами), а также результативные конструкции, которые содержат эти формы в качестве своих предикатов [Недялков, 1983; Typology of resultative..., 1988; Насилов, 1983, с. 118–123; Плунгян, 2011, с. 387–388], например: узб. *devorda multiq os-iqliq* досл.: ‘ружье повешено на стену’ со стативным прилагательным в предикативной функции или *devorga multiq os-il-gan* ‘ружье было повешено на стену’ с перфектной формой глагола в форме страдательного залога [Насилов, 1983, с. 119].

Невская Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; nevskaya@em.uni-frankfurt.de)

Термин «результатив» впервые был использован в [Недялков, Отаина, Холодович, 1974] и [Cosegiu, 1976], видимо, независимо друг от друга [Плунгян, 2011, с. 388]. Такие формы обычно обозначают естественные и предсказуемые результаты телических (трансформативных) процессов. Уже упомянутые исследования описывают подобные формы в языках различных систем [Недялков, 1983; Typology of resultative..., 1988].

В синтаксической типологии термин «результатив» также относится к второстепенному предикату серийных конструкций типа *The lake froze solid* ‘Озеро насквозь промерзло’ и *He shoot her dead* ‘Он застрелил ее намертво’ [Winkler, 1997; Washio, 1999; Van der Auwera, Malchukov, 2005; Brosig, 2009].

Такие конструкции следует отличать от конструкций с второстепенными депиктивными предикатами.

2. Второстепенные депиктивные предикаты и образуемые ими конструкции

Сложные сказуемые, которые соотносят с субъектом более чем один предикативный признак, известны и в русском, и в тюркских языках. Примерами таких сказуемых являются следующие структуры: *пришла радостной, живет бобылем, рос сорванцом*. В их составе имеются два предиката – глагольный, выраженный глаголом в финитной форме, и именной, выраженный именем или именной формой глагола. Глагольный компонент синтаксически независим, именной же компонент, с одной стороны, синтаксически зависим от финитного глагола и часто может рассматриваться как обстоятельство образа его действия, а с другой стороны, этот компонент семантически (а иногда и формально, ср.: *пришел усталым, пришла усталой*) соотносится с субъектом глагольного действия, выступая в качестве его второстепенного предикативного признака.

Именной компонент в составе таких образований получил в лингвистике различные терминологические обозначения: *predicativum* в латинском языкознании, например: [Pinkster, 1988], *predicative attribute* [Paul, 1919; Halliday, 1967], *copredicate* [Nichols, 1978; Plank, 1985], *depictive secondary predicate* или просто *depictive* [Schultze-Berndt, Himmelmann, 2004].

Такие предикаты могут быть соотнесены не только с субъектом, но и с другими именными компонентами предложения, чаще всего с объектом: *Он выпил чай холодным*. Именной компонент, который выступает в качестве носителя предикативного признака, выраженного депиктивным предикатом, называют его *контроллером* [Ibid.]. Основной глагольный предикат, при котором возможно появление депиктивного предиката, обычно образуется глаголами определенных семантических групп: движения, состояния, изменения состояния и т. п. Сам депиктивный предикат передает чаще всего физическое или психологическое состояние своего контроллера (*живой/мертвый, старый/молодой, голодный, пьяный / трезвый, сырой / вареный* и т. д.).

Суммируя вышесказанное, а также учитывая работы типологов по этой категории, можно выделить следующие основные признаки конструкций с депиктивными предикатами [Ibid., p. 77–78; Nichols, 1978; Plank, 1985; Pinkster, 1988; Koizumi, 1994].

- Конструкции с депиктивными предикатами являются предложениями, содержащими два предиката: один из них основной, второй – второстепенный, выражающий действие, происходящее внутри временных рамок действия основного предиката.

- Депиктив формально и семантически связан с одним из участников действия основного предиката, т. е. контролируется им.
- Депиктив не образует сложного или составного сказуемого совместно с основным предикатом.
- Депиктив не является ни комплементом основного предиката, ни определением своего контроллера.
- Депиктив зависит от основного предиката и разделяет его временные и модальные характеристики, например, сферу действия (скопус) отрицания. Если мы отрицаем действие, выраженное главным предикатом, то отрицается и сумма действий главного и депиктивного предикатов: *он ушел сердитым // он не ушел сердитым = он ушел, но уже не был сердитым*, или *он оставался, пока был сердитым*.
- Депиктив принадлежит к той же просодической единице, что и основной предикат.

Эти признаки помогают отличать депиктивные второстепенные предикаты от целого ряда сходных явлений:

1) от обстоятельства образа действия, ср.: *Он ушел с вечеринки сердито / сердитым*. В первом случае речь идет о том, как он покинул вечеринку, т. е. это обстоятельство образа действия; во втором – о том, в каком состоянии он ее покинул (покинул, будучи сердитым);

2) от предикативов в составе именного сказуемого и от комплементов главного предиката: *казался расстроенным* (сомнительна трансформация: **он казался и был расстроенным*, т. е. тут нет комбинации двух предикативных признаков субъекта состояния или действия);

3) от предикатов зависимых частей предложения и от оппозиций: *Расстроенный, он ушел > Он был расстроен, когда он ушел* – здесь *расстроенный / расстроен* являются основными предикатами зависимых предикативных единиц; аналогично: *Я, учитель, не могу себе этого позволить – Будучи учителем, я не могу себе этого позволить*; скопус действия отрицания при главном предикате тут не распространяется на второе действие: *Расстроенный, он не ушел = он был расстроен, но не ушел*;

4) а также от результатов (см. параграф 3): *напился пьяным*.

В последнее время подобные конструкции стали объектом пристального внимания типологов. Теоретическое обоснование и хорошо разработанная концепция депиктивных второстепенных предикатов были предложены в [Schultze-Berndt, Himmelmann, 2004]. Депиктивы в языках разных систем были темой симпозиума, прошедшего в декабре 2005 г. в г. Олденбурге, который был организован Институтом славистики Олденбургского университета [Secondary predicates..., 2008].

Депиктивы в тюркских языках в целом изучены пока недостаточно, хотя их отдельные типы описывались для алтайского [Тыбыкова, 1988] и шорского [Невская, 1998] языков еще в конце прошлого столетия. Депиктивы в их противопоставлении обстоятельству образа действия в турецком языке были темой отдельного диссертационного исследования [Schroeder, 2004]. Кроме того, автором данной статьи проведено исследование депиктивов в тюркских языках Южной Сибири [Nevskaya, 2008], в котором были выделены их основные семантические и структурные типы на основании подготовленной анкеты с типичными для депиктивных предикатов контекстами. Эта анкета была также предложена носителям северо-западных тюркских языков, в частности казахского, киргизского и ногайского (результаты исследования были представлены в соавторстве с С. Д. Тажибаевой на Международной конференции по турецкой лингвистике

в Сегеде (Венгрия) в 2010 г. [Nevskaya, Tazhybaeva, 2012]), а также носителям юго-восточных тюркских языков (уйгурского и узбекского) [Memtimin, Nevskaya, 2012]. Есть первые результаты, которые мы применили для нашего сравнительно-сопоставительного исследования структурно-семантических типов тюркских депиктивов, а также ареалов их распространения [Невская, 2011а; 2011б]. Деепричастиям в качестве депиктивных предикатов посвящена статья [Nevskaya, 2010].

3. Конструкции с второстепенными результативными предикатами

Конструкции с второстепенными результативными предикатами разделяют целый ряд характеристик депиктивных конструкций.

- Они являются предложениями, содержащими два предиката: один из них основной, второй – второстепенный.
- Точно так же, как и депиктив, результатив формально и семантически связан с одним из участников действия основного предиката, т. е. контролируется им.
- Результатив также зависит от основного предиката и разделяет его временные и модальные характеристики, например, сферу действия (скопус) отрицания.
- Результатив принадлежит к той же просодической единице, что и основной предикат.
- Конструкции с результативными второстепенными предикатами также нужно отличать от именных частей (предикативов) составного именного сказуемого с инхоативной копулой (*он стал **взрослым***) и от компонентов основного предиката (*они избрали его **председателем***).

Результативы отличаются от депиктивов в первую очередь тем, что состояние, выраженное результативом, достигается *после* временной рамки действия основного предиката: *he pulled his tie **tight*** ‘Он затянул галстук натуго ~ Он туго затянул галстук ~ *Он затянул галстук тугим’, т. е. пока он затягивал галстук, он еще не был затянут туго, он стал туго затянутым после того, как действие было завершено.

Ср. (1) и (2):

(1) *She snapped her bag shut* [Winkler, 1997] ‘Она защелкнула сумку’, т. е. ‘Она щелкнула (замком) сумки, закрыв ее.’

(2) *If you ate an animal raw...* [Ibid.] ‘Если вы ели животных сырыми...’

В соответствии с Винклером [Ibid.], результативы ограничивают действие и передают его эффект, в то время как депиктивы обозначают фоновое действие или состояние. Разница между (1) и (2) также в том, что во втором примере *raw* можно опустить, в то время как этого нельзя сделать с *shut* в первом случае; нередко результативные прилагательные инкорпорированы в соответствующие глагольные сказуемые, к тому же они не несут собственного ударения. Это обстоятельство привело к тому, что некоторые исследователи результативных конструкций считают, что результативы всегда являются частью основного предиката и не имеют собственной синтаксической функции [Napoli, 1994].

4. Предыдущие исследования результативов в алтайских языках

Результативы в алтайских языках в целом исследованы недостаточно, см. работу [Brosig, 2009] о результативах в монгольских языках, которая опирается

на исследование результативов в средне-монгольском языке [Washio, 1999]. Washio [Ibid., p. 265–267] различает три типа результативов, выраженных непроизводными прилагательными: сильные результативы при непереходных (3) или переходных (4) глаголах и слабые результативы при переходных глаголах (5).

(3) *The planes flew the ozone layer thin* ‘Полеты самолетов истощили озоновый слой.’ (досл.: самолеты излетали озоновый слой тонким)

(4) *He pulled his tie tight* ‘Он туго затянул свой галстук.’ (досл.: он тянул свой галстук туго/тугим)

(5) *She dyed the dress blue* ‘Она покрасила платье в голубой цвет.’ (досл.: она окрасила платье голубым)

В (3) и (4), связь между результатом и событием, которое привело к нему, непрямая, а в (5) прямая, так как окраска (платья) приводит как результат к изменению цвета платья. Соответственно прилагательные в (3) и (4) являются «сильными» результативами, а прилагательное в (5) – «слабым» результативом. Непереходные глаголы типа *fly* в (3), возможно, могут принимать только сильные результативы.

Японский язык допускает только слабые результативы, выраженные прилагательными, а французский их вообще не допускает [Brosig, 2009]. Единственный результатив, выраженный прилагательным в русском языке, это *пьяный* в *напиться пьяным*. Результативы, выраженные прилагательными, широко распространены в английском и немецком языках.

В современном халха-монгольском языке Brosig различает результативы следующих структурных типов: 1) результативы, выраженные прилагательными, например: *I wiped the table clean* ‘Я вытер стол начисто / *чистым’; 2) прилагательными в составе именного сказуемого с инхоативной связкой типа: *Your son could have been born clever* ‘Ваш сын, наверное, был рожден умным’; 3) наречиями и наречными сочетаниями: *I left behind the tree into pieces* ‘Я оставил дерево расколотым на куски (досл.: кусками)’; 4) конструкциями с результативами, выраженными деепричастиями; депиктивный предикат выражает результат действия основного глагола: *People drank spirits and got drunk* ‘Люди напился алкоголем допьяна/пьяными’.

Для тюркских языков результативы еще практически не описаны, см., однако, [Насилов, 1983]. В совместном с А. Мемтимин исследовании депиктивов в современном уйгурском языке мы обращаемся к таким конструкциям в контексте различения конструкций с депиктивами и результативами [Memtimin, Nevskaya, 2012].

В (6), (7) и (8) результативы *pak-pakiz*, *qizil* и *čirayliq* являются результатами уборки, покраски и нанесения макияжа:

(6) *U* *öy-ni* *pak-pakiz* *qil-ip*
он дом-ACC очень.чисто делать-CV
tazili-wät-t-i.
убирать-ACT(AUX)-PST-3SG
‘Он убрал дом очень чисто.’ (досл.: сделав его чистым)

(7) *Män* *öy* *jahazi-lir-i-ni* *qizil* *sirli-d-im.*
я дом мебель-PL-POSS3-ACC красный красить-PST-1SG
‘Я покрасил мебель в красный цвет.’ (досл.: я окрасил мебель в доме красным)

- (8) *Men uni ċirayliq qil-ip yasa-p qoy-d-um.*
 я он:ACC красивый делать-CV украшать-CV положить-PST-1SG
 ‘Я ее превратила в красавицу.’ (досл.: я накрасила ее, сделав красивой)

По нашему мнению, во всех этих уйгурских контекстах мы имеем дело с результативными второстепенными предикатами, так как они отвечают всем применяемым критериям, см. параграф 3. Эти результативы выражены прилагательными и являются слабыми: приобретение иного цвета или превращение в красавицу – это предсказуемые результаты действий *окрасить* и *украсить*. В то же время они не являются актантами данных конструкций. Если бы в (7) *qizil* было бы актантом глагола *красить* (с семантической ролью *средства* – красить *красной краской*), то оно бы получило оформление инструментальным падежом. Семантически *qizil* связан с субъектом конструкции, т. е. он характеризует результирующее состояние субъекта, а не действие окраски.

В (7) результатив выражен непроизводным прилагательным без применения послелогов. Результативы в (6) и (8) выражены прилагательными в сочетании с послелогом, восходящим к вспомогательному глаголу *qil-* ‘делать’ в форме деепричастия на *-(X)p*. Естественно, возникает вопрос, а не является ли *qilip* вершиной зависимой конструкции *сделав красной* или *сделав красивой*? Соответственно, правомерно ли характеризовать *qilip* как послелог, а не как зависимый предикат? Наше исследование показывает, что как *pakpakiz qilip*, так и *ċirayliq qilip* не образуют собственной предикативной единицы, они не обладают собственными просодическими, темпоральными, модальными и т. д. характеристиками, независимыми от финитных предикатов данных конструкций. Ср. соответствующие послелогии в депиктивных конструкциях: *polip / bolup / boop* в конструкциях с субъектным депиктивом, *edip / qilip* – с объектным [Nevskaya, 2008]. Грамматикализация деепричастия на *-(X)p* от глагола *pol-* хорошо известна в сибирских тюркских языках, например в шорском языке [Невская, 1989].

В современном уйгурском языке мы также отмечаем результативы, которые являются комплементами основного глагола. В (9) это существительное в сочетании с послелогом *qilip*.

- (9) *Biz Aynur-ni ilyar qil-ip sayli-d-uq.*
 мы Айнур-ACC пионер делать-CV избрать-PST-1PL
 ‘Мы избрали Айнур пионеркой.’ (досл.: мы избрали ее, сделав ее пионеркой)

В алтай-кижи на основании составленного нами вопросника были на данный момент выявлены следующие структурные типы результативов. Оказалось, что практически нет результативных второстепенных предикатов с непроизводными прилагательными, см., однако, (10). Чаще всего такие результативы получают инструментально-комитативный маркер *-ла* (11), или соединяются со вспомогательным глаголом *эт-* ‘делать’ в форме деепричастия на *-(X)n* (12), или с его каузативным дериватом *эттир-* ‘заставить сделать’ в форме деепричастия на *-А*, см. (13) и (14).

- (10) *Сен jараш кийинал-ган*
 ты красивый одеться.PRFC-PF:2SG
 (*кийин-ип ал-ган*).
 (одеться-CV взять.aux-PF:2SG)
 ‘Ты оделась красиво.’ (досл.: красивой)

Јараи здесь является не обстоятельством образа действия, а результативным второстепенным предикатом: адресат этого высказывания выглядит красиво как результат действия *одеться*.

- (11) *Люба стена-ни кӧк ӧн-лӧ буды-ган.*
 Люба.PN стена-ACC голубой цвет-INSTR красить-PF
 ‘Люба покрасила стены голубым цветом.’
- (12) *Люба стена-ни кӧк эд-ип буды-ган.*
 Люба.PN стена-ACC голубой делать-CV красить-PF
 ‘Люба покрасила стены голубым.’ (досл.: сделав голубыми)
- (13) *Кӧл тынг эт-тир-е тон-уп кал-ган.*
 озеро крепко делать-CAUS-CV мерзнуть-CV остаться.AUX-PF
 ‘Озеро сильно/крепко замерзло.’ (т. е. лед стал крепким)
- (14) *Галстук-ты мойын-ын-а тынг эт-тир-е*
 галстук-ACC шея-POSS3-DAT крепко делать-CAUS-CV
була-п сал-д-ы.
 тянуть-CV положить.AUX-PST-3
 ‘Он крепко затянул галстук.’

Результативы в (10) и (13) имеют субъектные контроллеры, в остальных конструкциях представлены объектные контроллеры. В нашей выборке только результативы с субъектными контроллерами выражены неизменяемыми прилагательными. При объектных контроллерах результативы выражены прилагательным со вспомогательным глаголом *делать* в деепричастной форме. Они выражают результат переходных действий. Слабые результативы представлены примерами (11)–(12), сильные – в (13) и (14).

Еще один структурный тип представлен в следующем пункте.

5. Деепричастия как результативные второстепенные предикаты

Как и в монгольских [Brosig, 2009], в тюркских языках представлены результативные предикаты, выраженные деепричастиями [Nevskaya, 2014; Невская, 2015].

Нужно отметить, что как депиктивные, так и результативные второстепенные предикаты выражаются моносубъектными деепричастиями, или деепричастиями с имплицитной субъектной референцией – «implicit subject converbs» [Haspelmath, 1995, p. 9]. Они контролируются субъектом предложения, принадлежат к той же просодической единице, что и основной предикат, и разделяют с ним модальные и прагматические характеристики (сферу действия отрицания, достоверность / недостоверность действия и т. д.). В то же время они не образуют составного или сложного сказуемого совместно с основным предикатом, см. примеры из алтайского языка (15)–(17).

- (15) *ол тур-а секир-д-и.*
 он/а встать-CV прыгнуть-PST-3
 ‘Она вскочила на ноги.’ (т. е. встала очень быстро, досл: стоя, прыгнула)

(16) *ol* *çığ-a* *d'ügür-d-i.*
он/а выйти-CV бежать-PST-3

‘Она выбежала.’ (т. е. она была внутри помещения и бегом выбежала на улицу, т. е. выходя, побежала)

(17) *ol* *oy-o* *soq-t-ï.*
он/а пробить-CV ударять-PST-3

‘Она ударила (по чему-либо), пробив (его) насквозь.’

Конструкция характеризуется неканоническим отражением событий реальности, т. е. последовательность действия и его результата передаются в противоположной хронологии: сначала результат (она оказалась снаружи), а затем само действие (побежала), приведшее к такому результату (16).

От аналитических бивербальных конструкций с вспомогательными глаголами данная конструкция отличается тем, что в ней и результативный предикат, и основной предикат сохраняют свои лексические значения и выражают два действия, одно из которых является результатом другого.

Заключение

Подводя промежуточные итоги исследования, можно отметить, что по нашим предварительным данным в тюркских языках в качестве результативных выступают как серийные конструкции с второстепенными результативными предикатами, выраженными прилагательными без какого-либо грамматического оформления, прилагательными, оформленными послелогом или инструментальным падежом, рядом деепричастных форм, так и конструкции с результатами в качестве компонентов глагольного действия. В основном это результативные предикативы при инхоативной связке в случае субъектного результата (*уродиться красивой, стать учителем*), или актанта состояния / роли / статуса и т. п. при каузативном глаголе изменения состояния / роли / статуса в случае объектного результата (*сделать кого-то богатым, избрать кого-то председателем*). Помимо этого имеются результативные конструкции с результативными формами в качестве основных, финитных предикатов.

В заключение отметим также, что результаты описания деепричастий в роли депиктивных и результативных второстепенных предикатов показали, что следует различать как минимум следующие синтаксические функции деепричастий: 1) деепричастие как предикат зависимой предикативной единицы, 2) деепричастие как обстоятельство при основном предикате и 3) деепричастие как второстепенный депиктивный или результативный предикат. Тем самым мы уточняем наше предыдущее мнение, что деепричастие всегда является предикатом зависимой предикативной единицы, если оно имеет собственную синтаксическую функцию [Невская, 1986; 1990; 1993; Nevskaya, 1998]. В том случае если деепричастие входит в просодическую группу главного предиката, а также разделяет его темпоральные и модальные характеристики (как скопус отрицания), то его предикативность еще больше урезается, оно становится либо обстоятельством образа действия (если оно семантически в большей степени связано с главным предикатом и выражает образ его действия, практически не имея связи с субъектом конструкции), либо второстепенным депиктивным или результативным предикатом (если оно семантически в большей степени связано с субъектом конструкции и выражает его дополнительный признак). Депиктивный и результативный предикаты между собой различаются по временным характеристикам: действие де-

пиктивного предиката происходит во временных рамках, задаваемых главным предикатом, а результатив выражает состояние, наступившее после завершения действия главного предиката. Результативные и депиктивные конструкции различаются и по акциональным типам предикатов, их образующих: результативы употребляются в основном при телических (предельных, трансформативных) предикатах.

Список литературы

- Насилов Д. М.* Статив и перфект пассива в узбекском языке // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект) / Под ред. В. П. Недеялкова. Л.: Наука, 1983. С. 118–123.
- Невская И. А.* Состав и функции деепричастий в шорском языке // Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири / Под ред. М. И. Черемисиной и др. Новосибирск: ИФФИ СО РАН, 1986. С. 71–81.
- Невская И. А.* Грамматикализация деепричастия на -п от глагола пол- в шорском языке // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 113–131.
- Невская И. А.* Состав и функции деепричастий в шорском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата: Ин-т языкознания КазССР, 1990. 244 с.
- Невская И. А.* Формы деепричастного типа в шорском языке. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. 124 с.
- Невская И. А.* Основные типы именных и глагольных сказуемых в шорском языке // Качество подготовки и проблемы повышения конкурентоспособности выпускников педвузов на рынке труда: Материалы науч.-практ. конф. / Под ред. С. М. Редлиха и др. Новокузнецк: НГПИ, 1998. С. 64–71.
- Невская И. А.* Депиктивные конструкции в южно-сибирских тюркских языках // Сб. тез. докл. 26-ой Междунар. конф. «Дульзоновские чтения». Томск: ТГПУ, 2011а. С. 59–64.
- Невская И. А.* Депиктивные второстепенные предикаты в тюркских языках // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании / Под ред. В. А. Кочергиной. М.: Добросвет, 2011б. С. 171–175.
- Невская И. А.* Деепричастия как результативные второстепенные предикаты в тюркских языках Южной Сибири // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov*: Сб. ст. к 80-летию Д. М. Насилова / Отв. ред. А. Х. Гирфанова, И. А. Невская, Е. А. Оганова. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 307–315.
- Недеялков В. П.* Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. 263 с.
- Недеялков В. П., Отаина Г. А., Холодович А. А.* Диатезы глагола в нивхском языке // Типология пассивных конструкций: диатезы и залогии / Под ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1974. С. 232–251.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Тыбыкова А. Т.* Типы именного сказуемого в алтайском языке // Компоненты предложения (на материале языков разных систем) / Под ред. Е. И. Убрятовой. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1988. С. 52–67.
- Brosig B.* Depictives and resultatives in modern khalkh Mongolian // *Hokkaidō gengo bunka kenkyū*. 2009. No. 7. P. 71–101.
- Coseriu E.* Das romanische Verbsystem. Tübingen: Narr, 1976.
- Halliday M. A. K.* Notes on transitivity and theme in English. Pt 1 // *Journal of Linguistics*. 1967. No. 3. P. 37–81.

Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category // *Converbs in cross-linguistic perspective* / Ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–56.

Koizumi M. Secondary predicates // *Journal of East Asian linguistics*. 1994. No. 3. P. 24–79.

Mentimin A., Nevskaya I. Depictive secondary predicates in modern Uyghur // *Turkic languages*. 2012. Vol. 16, No. 1. P. 80–94.

Napoli D. J. Resultatives // *The encyclopedia of language and linguistics* / Ed. by R. E. Asher, J. M. Simpson. Vol. 7. Oxford, UK: Pergamon Press: Aberdeen U. Press, 1994. P. 3562–3566.

Nevskaya I. A. Subject valency of Shor gerunds // *The Mainz Meeting: Proc. of the Seventh Intern. Conf. on Turkish Linguistics, August 3–6, 1994* / Ed. by L. Johanson et al. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998. P. 234–243.

Nevskaya I. Depictive secondary predicates in South Siberian Turkic // *Secondary predicates in Eastern European languages and beyond* / Ed. by Ch. Schroeder et al. Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. (Studia Slavica Oldenburgensia, No.16). P. 275–295.

Nevskaya I. Converbs as depictive secondary predicates in South Siberian Turkic // *Turcology in Mainz* / Ed. by H. Boeschoten, J. Rentsch. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. (Turcologica 80). P. 191–200.

Nevskaya I. A. Converbs as secondary resultative predicates in Turkic languages // *Turcology and Linguistics: Éva Ágnes Csató Festschrift* / Ed. by N. Demir, B. Karakoç, A. Menz. Ankara: Hacettepe Üniv. Yayınları, 2014. P. 305–313.

Nevskaya I., Tazhibaeva S. Depictive predicates in Kazakh in a comparative perspective // *The Szeged Conference: Proc. of the 15th ICTL. Szeged, 2012*. P. 331–340.

Nichols J. Secondary predicates // *Proc. of the Berkeley Linguistics Society*. 1978. No. 4. P. 114–127.

Paul H. Deutsche Grammatik. Bd 3. Halle/Saale, 1919.

Pinkster H. Lateinische Syntax und Semantik. Tübingen: Franke, 1988. 424 p.

Plank F. Prädikativ und Koprädikativ // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*, 1985. No. 13. S. 154–185.

Schroeder Ch. Depiktive im Sprachvergleich Deutsch-Türkisch. Eine kontrastiv-typologische Analyse: Habil.-Schr. Osnabrück, 2004. 440 s.

Schultze-Bernd E., Himmelmann N. P. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective // *Linguistic typology*. 2004. No. 8/1. P. 59–131.

Secondary predicates in Eastern European languages and beyond / Ed. by Ch. Schroeder et al. Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. (Studia Slavica Oldenburgensia, No. 16).

Typology of resultative constructions / Ed. by V. P. Nedjalkov. Amsterdam: Benjamins, 1988. 573 p.

Van der Auwera J., Malchukov A. A semantic map for depictive adjectival // *Secondary predication and adverbial modification* / Ed. by N. P. Himmelmann, E. Schultze-Bernd. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 393–421.

Washio R. Secondary predication in Mongolian // *Researching and Verifying an Advanced Theory of Human Language: Coe Research Report 3a*. Chiba: Kanda Univ. of Intern. Studies, 1999. P. 259–276.

Winkler S. Focus and secondary predication. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. 476 p.

Символы и условные обозначения грамматических значений в глоссах

ACC – винительный падеж, **ACT** – способ глагольного действия, **AUX** – вспомогательный глагол, **CAUS** – каузативный залог, **CV** – деепричастие, **DAT** – да-

тельный падеж, **INSTR** – инструментальный падеж, **PF** – перфект, **PL** – множественное число, **PN** – имя собственное, **POSS** – аффикс обладания, **PRFC** – перфективный способ глагольного действия, **PST** – прошедшее время, **SG** – единственное число, * – недопустимые формы или трансформации.

I. A. Nevskaya

Resultative secondary predicates in Turkic languages

Constructions with resultative and stative verb forms as predicates are traditionally treated as resultative constructions (RCs). In syntactic typology, the term «resultative» also refers to secondary predicates in serial constructions of the type: *The lake froze solid* and *He shoot her dead*. Such RC should be distinguished from serial constructions with secondary depictive predicates: *пришла радостной* ‘she returned happy’ and *пьет чай холодным* ‘she/he drinks her / his tea cold’. Resultatives differ from depictives in that the state referred to by a resultative occurs after the time frame of the action expressed by the main predicate.

The paper deals with RCs with resultative secondary predicates in Turkic languages in contrast to 1) serial constructions with depictive secondary predicates; 2) constructions with adverbial modifiers of manner; 3) constructions with predicate complements denoting the state of their subjects or objects obtained as a result of the action expressed by their verbal predicate. Characteristic features of RCs with resultative secondary predicates are described. Structural types of resultative secondary predicates are distinguished.

Keywords: Altaic, Turkic languages, syntax, morphology, secondary depictive, resultative predicates.